

Сборник статей по итогам конференции ФИКОС-2020 есть
попытка переосмысления границ ratio как
основополагающего принципа в социально-гуманитарном,
естественнонаучном и математическом познании. Будучи
центром сферы знания, принцип ratio предъявляет на её
поверхности бесконечное множество точек зрения, диалог
между которыми позволяет существовать и развиваться
философской, научной, общественно-политической и
художественной традициям.

ФИКОС-2020

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Кафедра философии и гуманитарных дисциплин
ФГБУ «Институт философии и права» УрО РАН
Институт социальных исследований и развития культурных структур
Удмуртская республиканская общественная организация
«Союз научных и инженерных общественных отделений»

Σ ФИКОС Σ

ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ПРИНЦИП RATIO И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
28–29 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «УДМУРТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИЖЕВСК 2020

УДК 1(063)
ББК 87я431
Ф 563

Редколлегия:

Илиев Радослав Тодоров

председатель Института социальных исследований и развития культурных структур, преподаватель Национального классического лицея (София, Болгария),

Ломаев Степан Леонидович

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН», доцент кафедры информатики и математики ФГБОУ ВО «Удмуртский Государственный университет» (Ижевск, Россия),

Полякова Наталья Борисовна

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Удмуртский Государственный университет» (Ижевск, Россия),

Пономарёв Алексей Михайлович

доктор философских наук, директор Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (Ижевск, Россия),

Шамшурин Алексей Андреевич

ассистент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Удмуртский Государственный университет» (Ижевск, Россия),

Яркеев Алексей Владимирович

доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (Ижевск, Россия)

Ф 563 Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы. ФИКОС 2020: сборник статей I Международной научно-практической конференции; Ижевск, 28-29 февраля 2020 г. / отв. ред. Н. Б. Полякова, сост. А. А. Шамшурин. — Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2020. — 306 с.

ISBN 978-5-4312-0783-9

Сборник статей ФИКОС является итогом I Международной научно-практической конференции «Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы» (ФИКОС–2020). Материалы сборника представляют собой научный интерес для исследователей в области современной философской проблематики, а также могут быть использованы научными работниками, преподавателями, аспирантами, магистрантами и студентами в учебном процессе.

УДК 1(063)
ББК 87я431

ISBN 978-5-4312-0783-9

© Авторы статей, 2020
© Р.Т. Илиев, С.Л. Ломаев, Н.Б. Полякова, А.М. Пономарёв,
А.А. Шамшурин, А.В. Яркеев, 2020
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2020
© ФГБУ «Институт философии и права»
УрО РАН, 2020
© Удмуртская республиканская общественная организация
«Союз научных и инженерных общественных отделений», 2020

10. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. сангл. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Послесл. Ю. Н. Давыдова. Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
12. Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001.

THE CONSTRUCTION OF RATIONALITY IN BIOPOLITICS

Athour: Popov D.V., Ph.D., The Head of Department of Philosophy and Political Science of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Omsk, Russia

Abstract: The article considers models of rationality that are transcendent and immanent to biopolitical strategies in the range from confirmantropic biopolitics to thanatopolitics. The rational grounds for biopolitics are biology as knowledge of biological life in the broad sense of the word, biotechnology, and bioethics. As a utilitarian phenomenon serving to enhance the European States of the 18th century, biopolitics, regulating the life of people, became a factor of the transition of humanity from using of life through care of life to creation of life. Investments in the population, designed to improve the quality of life, largely as "unintended consequences" formed the vector of confirmantropic biopolitics. The anthropological model, the nature of expectations from implemented measures, and the way social assemblages are assembled form models of rationality that are immanent in biopolitics and differ qualitatively within the confirmanthropic and neganthropic strategies. The predominance of the We–They model over the I–You and extractivity over inclusivity form a vector of neganthropic strategy leading to necropolitics. The systematic conversion of the social into plasma leads to the disintegration of society – a thanatopolitic final, paradoxically conditioned by the model of rationality that has developed within the framework of the strategy.

Keywords: human, anthropology, rationality, ratio, biopolitics, confirmantropic biopolitics, neganthropic biopolitics, necropolitics, thanatopolitics .

УДК 340.122

КАК ВОЗМОЖНА НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ?

Шавеко Николай Александрович

кандидат юридических наук, научный сотрудник

Удмуртского филиала ФГБУН Института философии и права УрО РАН

e-mail: shavekonikolai@gmail.com

г. Ижевск, Россия

Аннотация. Рассматривается проблема построения современной научной теории справедливости в условиях постмодернистского релятивизма и распространенного убеждения, согласно которому справедливость у каждого своя. Утверждается, что в основе имеющегося в мировом масштабе консенсуса относительно прав человека лежит консенсус относительно определенных ценностей, которые можно выразить через принцип равной заботы и уважения. Этот принцип можно постулировать основным принципом справедливости, и далее из него выводить частные принципы справедливости, касающиеся отдельных сфер общественной жизни, с учетом предъявляемых наукой требований объективности, беспристрастности, системности, логичности, всесторонности и полноты, моральных суждений. В результате становится возможной научная, и в то же время ценностно окрашенная критика действующего законодательства или политического курса.

Ключевые слова: теория справедливости, справедливость, социальный идеал, права человека, демократия, наказание, слабая сторона договора, мультикультурализм, справедливая война, рефлексивное равновесие.

Справедливость лексически близка к праву: правильное право и есть справедливое право, правильное судебное решение и есть справедливое решение. Но, в сущности, категория справедливости может быть применена не только к правовому, но и к любому социальному регулированию, а также к любым урегулированным социальными нормами общественным отношениям и человеческим поступкам. Короче говоря, справедливость — это должное в области социальных отношений и поведения людей в обществе. А вот в чем это должное состоит — это самый сложный вопрос.

Распространено мнение, что справедливость относительна, справедливость у каждого своя. Еще Ганс Кельзен говорил, что установление нормы это вообще функция воли, а не разума, поэтому должное можно только постулировать, но не познать [1, с. 501-502]. Отсюда — вопрос «что такое справедливость?» — это вопрос, выходящий за пределы науки. Наука изучает только наличное

нравственное и правовое сознание, действующее законодательство, но сама ничего не предписывает, не постулирует норму должного.

Что ж, это наверно так. Но этот узкий позитивистский подход делает социально-гуманитарные науки беззубыми, ставит их в роль служанки текущей политики, служанки власть имеющего. В действительности эти науки, конечно, далеки от ценностной нейтральности. Так, в юриспруденции научные статьи часто, если не в большинстве случаев, содержат предложения по изменению действующего законодательства или судебной практики. Разве это не ценностные суждения? Но на каком основании ученые их делают?

Меня интересует вопрос, как возможны такие суждения в рамках науки. Есть такое понятие, как научный этос. Суждения ученого должны отличаться от повседневных или политически ангажированных суждений. В идеале моральные суждения ученого более беспристрастны, учитывают большее количество морально значимых факторов, они логически более последовательны, они, наконец, системны.

Представляется, что если юрист предлагает изменение какого-либо закона, но не обосновывает или хотя бы не эксплицирует систему ценностей, из которой следует такое изменение, то его суждения недалеки от обыденных ценностных суждений, и имеют мало научной ценности. Но как возможна такая система ценностей в условиях постмодернистского релятивизма?

Я бы хотел обратить внимание на ряд международных документов, подписанных практически всеми странами. Помимо Устава ООН это Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. В мире действительно сложился некоторый стабильный консенсус относительно прав человека. И если долженствование есть функция воли, то налицо хоть и исторически изменчивая, но объективная, и в данный момент наличная воля. Соответственно, систему ценностей целесообразно разворачивать из прав человека.

Здесь небольшая ремарка. Я свою точку зрения рассматриваю как продолжение естественно-правовой традиции в модифицированном виде.

Классическая доктрина естественного права исходила из того, что существует некий вечный и неизменный «идеальный свод законов», применимый для всех стран и времен, и нам нужно лишь «открыть» его в природе. Сделать это возможно с помощью разума. Возможно, потому что сам мир якобы разумен и познаваем. Но в таком виде естественное право было отвергнуто уже в начале 19 века.

В конце 19 века появилось так называемое «возрожденное» естественное право. Здесь основной идеей было то, что мы не должны искать «идеальный свод законов», якобы заложенный в самой природе, но мы должны лишь найти формальную, регулятивную идею, с помощью которой можно было бы оценивать законы человеческие. Эта идея и будет абсолютным, неизменным идеалом, который в приложении к различным многообразным условиям места и времени будет расценивать как справедливые совершенно разные законы. Поэтому «возрожденное» естественное право – это естественное право с изменяющимся содержанием. И действительно, вынося оценочные суждения, мы всегда имеем в виду некоторую ценность, которую считаем абсолютной (своего рода конечной целью), либо которая может быть выведена из другой, теперь уже точно абсолютной ценности, в противном случае наши моральные суждения теряют всякий смысл.

Но сегодня мы должны признать еще и тот факт, что сама эта высшая ценность может быть лишь постулирована, а не обоснована, и в этом смысле тоже произвольна, а не абсолютна. Поэтому права человека я рассматриваю как высшую ценность не потому, что мы можем ее объективно обосновать, не потому, что права человека есть моральный Абсолют, а потому что на данном историческом этапе они считаются таковым подавляющим большинством человеческих обществ. В отличие от сторонников «возрожденного» естественного права я уже не абсолютизирую высший идеал, а считаю его исторически изменчивым. Но всё же я постулирую его в инструментальных целях – для того, чтобы можно было вывести из него всю систему ценностей, применимых к современной действительности.

Еще раз: почему именно права человека? Да потому что в отношении них меньше всего разногласий. Чем большее число людей придерживается высшей ценности, которую мы кладем в основу своей системы долженствования, тем более востребована и актуальна будет сама эта система. В России права и свободы человека также являются основой всего правопорядка. Так что Россия не исключение.

Итак, наука не постулирует высшую ценность, но она может взять уже в сущности постулированную международным сообществом ценность и развернуть ее. И с точки зрения этой

ценности критиковать действующее законодательство, предлагать пути его совершенствования. А поскольку нам важна последовательность и непротиворечивость в моральных суждениях, постольку следует начать со своего рода «основной нормы», то есть высшей ценности, и дальше спускаемся вниз к конкретным сферам общественных отношений и к конкретным спорам и ситуациям.

Продвинемся немного дальше в наших рассуждениях. Если бы мы рассматривали только действующую юридическую систему, то права человека могли бы стать искомым основанием этой системы. Но мы ищем идеал должного, основание системы ценностей, а не системы юридических норм. А значит, мы должны понять, какая ценность лежит в основе прав человека и позволяет нам приходить к консенсусу в их области. И тут загвоздка. Далеко не все ученые полагают, что права человека должны или могут быть обоснованы. Одни говорят, что права человека самоочевидны и не требуют обоснования [2, р. 190]. Другие говорят, что в зависимости от конкретной культуры могут быть предложены различные обоснования одних и тех же прав человека [3]. Третьи видят в правах человека лишь расстановку сил [4, р. 102-117]. Но я думаю, что ближе к истине был Рональд Дворкин, который обратил внимание, что одним из обоснований прав человека может служить идея равной заботы и уважения. Эту идею он сформулировал следующим образом: "Правительство должно относиться к своим подданным, во-первых, с заботой, то есть должно видеть в них людей, подверженных страданиям и разочарованиям, а во-вторых, с уважением, то есть должно видеть в них людей, наделенных способностью составлять разумные представления о том, как им следует жить и действовать согласно этим представлениям. Правительство должно относиться к людям не просто с заботой и уважением, но с равной для всех заботой и уважением» [5, с. 366-367]. Короче говоря, причина, по которой мы сходимся в ценности прав человека — это на самом деле принцип равной заботы и уважения.

На мой взгляд, научная теория справедливости может выглядеть как последовательное приложение данного принципа к различным сферам общественной жизни. И в этом смысле мы можем различать общую теорию справедливости и частные теории справедливости. Пробежимся бегло по некоторым частным теориям.

Возьмем, например, политическую справедливость. Сегодня практически абсолютной кажется нам ценность демократии. Но если понимать демократию как власть большинства, и институты, которые позволяют принимать решения большинством голосов или в соответствии с волей большинства граждан, то спрашивается: разве большинство всегда право? Разве меньшинство не может быть правым, а большинство — заблуждаться? Очевидно, что демократия не обладает ценностью сама по себе. Она лишь многократно апробированное, испытанное и надежное средство для какой-то высшей цели. Цель демократических институтов совсем не в том, чтобы максимально приблизить властные решения к общественному мнению. Цель их — гарантировать справедливость. А справедливость — в равной заботе и уважении.

Возьмем справедливость правил судебного процесса. Процессуальные кодексы РФ обычно начинаются с изложения принципов соответствующего вида судопроизводства. В чем общая идея этих принципов? Судебный процесс нужен для того, чтобы торжествовала справедливость. Нормы материального права нужны для того же. Поэтому судебный процесс тогда справедлив, когда судья правильно применяет нормы права. Конечно, еще и сами применяемые нормы должны быть справедливы. Но законодатель, как правило, учитывает то обстоятельство, что норма не способна учесть всего многообразия возможных споров, и предоставляет судьям умеренные возможности судейского усмотрения в конкретных случаях. В процессуальных отраслях активно обсуждается проблема истины в судебном процессе: должен ли суд искать истину? На мой взгляд, чтобы правильно применить нормы материального права, судье надо знать истинные обстоятельства дела. Но ценность истины не абсолютна, она тоже вытекает из чего-то высшего. Рассмотрение дел в разумный срок — это тоже ценность, судья не может вечно искать истину. То есть для того, чтобы точно определить место и роль истины в суде, нам нужна единая ценностная система, иначе все это будет пустопорожний разговор.

Обратимся к воздающей справедливости, которая касается наказаний. Идея наказания — восстановление справедливого правопорядка, то есть такого, который основан на равной заботе и уважении. Отсюда, четко решается проблема целей наказания. Одни говорят, что цель наказания — кара, воздаяние, возмездие. Кант говорил: даже если общество перестанет существовать, убийца должен быть наказан [6, с. 372]. Вторые говорят — цель наказания в предотвращении новых преступлений, в исправлении преступника или заглаживании вреда. Правы, конечно, вторые. Ведь наказание должно иметь какую-то пользу, иначе оно бессмысленно. Наказание ради наказания — это какая-то другая система ценностей, не основанная на правах человека. Не всякое преступление

наказуемо. Об этом четко говорит Уголовный кодекс РФ, предусматривающий обстоятельства, исключающие преступность деяния и обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности.

Обратимся к вопросу о справедливости международного правопорядка. Современные принципы международного права говорят о территориальной целостности, суверенном равенстве государств, но подчеркивают и относительность ценности суверенитета и конкретных государственных границ, которые всегда есть продукт случайного стечения обстоятельств. Возможность гуманитарных интервенций по мандату Совбеза ООН (ст. 51 Устава ООН) показывает, что в основе международного правопорядка лежит не ценность государства как такового, а нечто иное, чему государство обязано служить, в противном случае оно может быть к этому принуждено. Теория справедливой войны в трактовке современных ученых (М. Уолцер, Д. Любэн, Дж. Ролз и др.) также имеет тенденцию защищать справедливые правопорядки, основанные на правах человека, а не любые правопорядки вообще.

Вопросы этнокультурной справедливости, будущего национального государства, политики мультикультурализма и тому подобные вопросы также находят свое разрешение на основе принципа равной заботы и уважения. Применяя этот принцип к вопросам национальной и культурной политики, мы видим, что по каким бы критериям ни были созданы социальные группы, ключевой вопрос состоит в том, насколько они выражают интересы своих членов. Сами по себе группы равной заботой и уважением пользоваться не могут. Отсюда несостоятельность как жесткого мультикультурализма, так и его противоположности — политики плавильного котла, но допустимость мягких форм мультикультурализма, космополитизма и поддержки общенациональной культуры.

Договорная справедливость, или справедливость обмена, с точки зрения принципа равной заботы и уважения есть попытка защитить «слабую сторону» гражданских правоотношений, то есть такую сторону, которая в конкретных обстоятельствах не способна проявить себя как полноценный моральный агент, что связано с пороком воли и тому подобными факторами. Неравное отношение к сторонам есть попытка достичь равного учета интересов там, где сама «слабая сторона» (потребитель, работник и т.п.) свои интересы преследовать не может. Отсюда все правила о недействительности сделок, ограничения свободы договора.

Наконец, распределяющая справедливость, которая касается распределения материальных и иных благ, может мыслиться как попытка, в меру возможностей и с учетом других ценностей, добиться такого положения, когда человек пожинает плоды своих собственных усилий и просчетов, но не пользуется благами и не претерпевает беды, вызванные обстоятельствами, которые от самого человека не зависят. Как найти оптимальный баланс — вопрос сложный, и вообще это центральный вопрос в противоборстве правых и левых идеологий. Здесь я не буду его подробно рассматривать.

Короче говоря, применяя принцип равной заботы и уважения к различным сферам общественной жизни, мы поймем основные цели правового регулирования в той или иной сфере, сможем сформулировать основные принципы такого регулирования. Идея равенства не предreshает конкретного правового регулирования, всегда нужны какие-то принципы на нижестоящих уровнях, но она определяет их общий смысл. Суждения о справедливости всегда будут зависеть от конкретных обстоятельств: чем уже вопрос, тем изменчивее будут морально значимые обстоятельства и основанные на них правила. У нас не получится создать «идеальный кодекс» на все случаи жизни, как об этом мечтали мыслители Нового времени. Но теоретически обосновать реформирование действующего законодательства с точки зрения общей системы долженствования, сформированной на стыке этики, философии права и политической теории, — вполне получится.

Конечно, в той мере, в которой человечество в будущем отойдет от существующего консенсуса в области моральных ценностей, выраженного в идеологии прав человека и лежащей в ее основе идеи равенства, и придет к иным консенсусам, теорию справедливости нужно будет скорректировать. Но мне важно лишь показать, что такая теория возможна в рамках научного этоса.

В заключение несколько слов о методах, с помощью которых мы в рамках науки ищем справедливость. Мне кажется, что вопрос о том, что первично — принцип справедливости или метод, с помощью которого он найден — это вопрос наподобие того, что появилось раньше: курица или яйцо. В конечном итоге, или принцип, или метод должны быть попросту постулированы. Основная идея справедливости всегда в беспристрастности. Не случайно воззрения на справедливость всегда вращаются вокруг понятия равенства. Ведь равенство — это самое логичное следствие беспристрастности. Отсюда уже вытекают кантовская методика проверки на всеобщность, ролзовское «исходное положение», хабермасовские «правила дискурса». Все это — способы

обеспечить беспристрастность. При всем своем несовершенстве золотое правило морали — «не делай другим то, чего не желаешь себе» — тоже содержит в себе отсылку к беспристрастности. Мы часто говорим детям: «поставь себя на место другого». Это тоже своеобразный метод. Таким образом, существуют различные конструкции, обеспечивающие беспристрастность суждений.

Но какие бы мы не использовали конструкции, всегда, как мне кажется, применяется предложенный Ролзом метод «рефлексивного равновесия» [7, с. 70]. Речь идет о том, что у каждого из нас есть какие-то моральные интуиции. В ходе анализа различных жизненных ситуаций и аргументов мы, с одной стороны, уточняем свои первоначальные интуиции о справедливости, и даже можем принять ту позицию, которая ранее казалась нам непривлекательной, или наоборот, убедить других в своей позиции, чтобы они ее приняли, а с другой стороны, подгоняем под указанные (уже взвешенные) интуиции формулируемые нами (непротиворечивые) принципы справедливости. Поэтому теория справедливости — это всегда анализ аргументов, примеров, ситуаций, и, конечно, своих собственных моральных чувств, а также приведение их непротиворечивую систему принципов.

Завершая, я хотел бы вспомнить известную фразу Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Я с ней не согласен. Человек — моральное существо, и без суждений о должном немислим. Он также существо социальное, и без общества немислим. Отсюда, от вопросов о должном социальном регулировании нам не избавиться. А раз так, о чем невозможно молчать, о том следует говорить.

Литература

1. Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
2. Etzioni A. The Normativity of Human Rights Is Self-Evident. // Human Rights Quarterly, vol. 32, no. 1, 2010.
3. Taylor Ch. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights. // The East Asian Challenge For Human Rights. / Ed. J.R. Bauer and Daniel A. Bell. New York, 1999.
4. Beitz Ch.R. The idea of human rights. N. Y., Oxford University Press, 2009.
5. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004.
6. Кант И. Метафизика нравов. / Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2007.
7. Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. М.: МГИМО МИД России, 2001.

HOW IS A SCIENTIFIC THEORY OF JUSTICE POSSIBLE?

Athuor: Shaveko Nikolai Alexandrovich, Candidate of Law, Researcher, Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of the Russian Academy of Science, Izhevsk, Russia

Abstract: The problem of constructing a contemporary scientific theory of justice in the context of postmodern relativism is considered. It is argued that global consensus on human rights is based on global consensus on certain values that can be expressed through the principle of equal care and respect. This principle can be postulated as the basic principle of justice, and further we can derive from it particular principles of justice relating to certain areas of social life, taking into account the requirements of impartiality, consistency, completeness of moral judgments. As a result, a scientific and at the same time evaluative critique of the current legislation or political course becomes possible.

Keywords: theory of justice, justice, social ideal, human rights, democracy, punishment, multiculturalism, just war, reflective equilibrium

УДК 123

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ ФРИДРИХА ФОН ХАЙЕКА

Шляпников Виктор Валерьевич

кандидат философских наук, доцент

доцент кафедры философии и социальных наук

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной пожарной службы»

Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

e-mail: shlyapnikovv@mail.ru

г. Санкт-Петербург, Россия
